

Путь японской прозы жанра *сэцува* в советском и российском японоведении

Д. Г. Кикнадзе

Аннотация: Цель данной статьи — осветить историю переводов на русский язык и изучения произведений японского жанра *сэцува* в советском и российском японоведении. Жанр *сэцува* представляет собой рассказ-притчу короткой формы с дидактической концовкой, в основе которого лежит занимательная история из жизни буддийских святых, праведных монахов, отшельников, или сюжет о грехопадении, кармическом возмездии, основных идеях буддизма. Сборники коротких буддийских историй появились в Японии вместе с распространением буддизма, ранние сборники буддийских *сэцува* относятся к рубежу VIII–IX вв. В жанре *сэцува* к XI в. происходит деление на чисто буддийские и светские истории, благодаря чему сугубо буддийские рассказы теряют суровую дидактическую окраску и приобретают новые сюжеты и героев: это придворный анекдот, забавные случаи с простолюдинами, истории о сверхъестественном, магии и волшебстве.

Сборники *сэцува*, в особенности *Кондзяку моногатари-сю*: («Собрание стародавних историй», XII в.) и *Удзи сю:и моногатари* («Рассказы, собранные в Удзи», XIII в.), пользовались большой популярностью среди японцев, однако официально вошли в фонд классической японской литературы в первой половине XX в. лишь благодаря усилиям реформатора японской науки Хага Яити. Если к 1970-м гг. в европейском японоведении уже существовали полные или частичные переводы и исследования таких памятников *сэцува*, как *Кондзяку моногатари-сю*: и *Удзи сю:и моногатари*, то в советском японоведении в этом направлении в это время делались первые робкие шаги. Идеи марксизма проникали во все сферы научной жизни, не осталась в стороне и переводческо-издательская деятельность. В ранний советский период подготовка переводов произведений жанра *сэцува*, учитывая сильную религиозную и магическую составляющую в ее сюжетной канве, была немислима и идеологически «опасна».

В статье в хронологической последовательности освещаются основные этапы изучения, переводов и популяризации жанра *сэцува* такими советскими и российскими японистами, как В. С. Санович, Т. И. Редько-Добровольская, Г. Г. Свиридов, А. Н. Мещеряков, Н. Н. Трубникова, Д. Г. Кикнадзе.

Ключевые слова: литература жанра *сэцува*, Япония, повествовательная проза, советское и российское японоведение, классическая японская литература, переводчики японской литературы.

Автор: Кикнадзе Диана Гургеновна, кандидат исторических наук, преподаватель Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета, 199034, Санкт-Петербург, Университетская набережная, 7/9.

E-mail: d.kiknadze@mail.ru

Конфликт интересов. Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The Path of Japanese *Setsuwa* Prose in Soviet and Russian Japanese Studies

D. G. Kiknadze

Abstract. The purpose of this article is to highlight the history of translations into Russian and the study of works of the Japanese genre of *setsuwa* in Soviet and Russian Japanese studies. The *setsuwa* genre is a short-form parable story with a didactic ending, which is based on an entertaining story from the life of Buddhist saints, righteous monks, hermits, as well as stories about the fall, karmic retribution, and the main ideas of Buddhism. Collections of short Buddhist stories appeared in Japan along with the spread of Buddhism; the earliest collections of Buddhist *setsuwa* date back to the turn of the 8th–9th centuries. By the 11th century, there appears a division in the *setsuwa* genre between purely Buddhist and secular *setsuwa*, due to which purely Buddhist stories lose their harsh didactic coloring and acquire new plots and heroes: those of court anecdotes, funny cases with commoners, stories about the supernatural and magic.

Collections of *setsuwa*, especially *Konjaku Monogatari-shū* (今昔物語集 Tales of Times Now Past, 12th century) and *Uji Shūi Monogatari* (宇治拾遺物語, Tales Collected from Uji, 13th century), were very popular among the Japanese, but they officially entered the collection of classical Japanese literature in the first half of the 20th century only due to the efforts of the reformer of Japanese scholarship Haga Yaichi. By the 1970s, in European Japanese studies, there were already

full or partial translations and studies of such monuments of *setsuwa* as *Konjaku Monogatari-shū* and *Uji Shū Monogatari*, but, in Soviet Japanese studies, only the first timid steps were taken. The ideas of Marxism penetrated all spheres of academic life, and translation and publishing activities were no exception. In the early Soviet period, the preparation of translations of works of the *setsuwa* genre, given the strong religious and magical component of its plot, was unthinkable and ideologically “dangerous”. In chronological order, the article highlights the main stages of the study, translation, and popularization of the *setsuwa* genre by such Soviet and Russian Japanese studies scholars as V. Sanovich, T. Red’ko-Dobrovolskaya, G. Sviridov, A. Meshcheryakov, N. Trubnikova, D. Kiknadze.

Keywords: *setsuwa* genre, Japan, narrative prose, Soviet and Russian Japanese studies, classical Japanese literature, translators of Japanese literature.

Author: *Kiknadze Diana G.*, PhD (History), lecturer at the Faculty of Oriental Studies of St. Petersburg State University, Russia, 199034, St. Petersburg, Universitetskaya naberezhnaya, 7/9.

E-mail: d.kiknadze@mail.ru

Conflict of interest. The author declares the absence of the conflict of interest.

Введение

В последние два десятилетия среди российских читателей и ценителей классической японской литературы, истории и культуры древней Японии, наметился большой интерес к коротким занимательным рассказам жанра *сэцува* (сказ, притча), которые берут свое начало приблизительно с VIII в. Термином *сэцува* обозначается как жанр, так и сам короткий рассказ о каком-то страшном, чудесном, забавном или необычном случае. Истории *сэцува* существуют в виде сборников, содержание и число которых варьируются согласно предпочтениям его составителей и реалиям времени [Кикнадзе 2015b, с. 59]. В рассказах жанра *сэцува* предстают буддийские божества и демоны, благодарные животные, бедняки и аристократы, плутоватые монахи и отшельники, почитающие буддийское вероучение до абсурда, маги и их волшебство. Здесь поднимаются всевозможные вечные темы: грехопадение и возмездие, милосердие и сострадание, жестокость и алчность, хитрость и глупость, похотливость и чревоугодие. В рассказах *сэцува* отражен целый мир, сотканный из многочисленных героев, чувств, религиозно-философских идей, жизненных историй и событий. Вполне возможно, что жанр *сэцува*

нашел своего благодарного читателя в России из-за своей краткой формы и увлекательного содержания.

Корни этого жанра восходят к индийским *джатакам* — назидательным притчам, в которых простым языком описывались важные постулаты буддийского вероучения, основы нравственного поведения истинных буддистов. Короткие поучительные истории распространились вместе с буддизмом в остальные государства-преемники этого вероучения. Так, первые сборники *сэцува* создавались монахами в пору активной популяризации буддизма в Японии по примеру китайских буддийских историй жанра *сяшо* и были сугубо буддийского содержания с обязательной дидактической концовкой и служили в качестве материала для проповедей. Целью таких *сэцува* было ознакомление простого люда с новой религией, ее главными идеями и пантеоном. В деле укоренения буддизма этот жанр носил воспитательский характер, составителями сборников являлись монахи. Однако к XI в. в жанре происходит деление на чисто буддийские и светские *сэцува*, а вскоре появляются сборники и смешанного содержания, как *Кондзяку моногатари-сю*: («Собрание стародавних историй», XII в.) и *Удзи сю:и моногатари* («Рассказы, собранные в Удзи», XIII в.). Авторами таких *сэцува* становились придворные аристократы. Отсутствие авторства привлекало их возможностью высмеивать других придворных, а также пользоваться простым разговорным языком, писать на запретные темы [Кикнадзе 2015b, с. 59].

В самой Японии *сэцува* были необычайно популярными благодаря устным сказителям — бродячим монахам-отшельникам, которые не только проповедовали, но и изображали самые яркие, гротескные сценки. Так, постепенно традиция инсценирования комичных сцен *сэцува* трансформируется в фарс *кё:гэн* и жанр устного комичного рассказа *ракуго*. Однако и письменная традиция сборников *сэцува* не стоит на месте — в Японии продолжается как компоновка старых историй на вкус очередного автора-составителя, так и создание новых сборников. Несмотря на живучесть жанра и огромную популярность историй *сэцува* в японском обществе, вплоть до начала XX в. тексты *сэцува* не считались художественной литературой, учитывая их первоначальное предназначение, и последующую трансформацию жанра с большой долей «низких», скабрёзных тем. Причисление *сэцува* к классической литературе, в первую очередь это касается *Кондзяку моногатари-сю*: и *Удзи сю:и моногатари*,

проведение сравнительного анализа между историями этих двух сборников, выявление сходства и различий, подготовка печатных изданий — всё это произошло лишь в эпоху Мэйдзи (1868–1912) и стало активно развиваться в первой половине XX в. во многом благодаря писателю Акутагава Рюноскэ, который взял за основу нескольких своих рассказов сюжеты из *Кондзяку моногатари-сю*: [Акутагава 1985].

Первые шаги японской литературы *сэцува* в СССР

Свой путь в советском и российском японоведении литература жанра *сэцува* начала довольно поздно — в 70-е гг. XX в., прежде крупнейшие произведения этого жанра лишь упоминались в исследованиях литературоведов. Основное внимание советского японоведения уделялось переводам классической японской литературы. Активная работа над переводами японской классики началась в 1910–1920-е гг. Япония была известна российским читателям по дневникам путешественников, переводам сказок, очеркам об истории и культуре Японии. На фоне увлечения японской культурой на Западе — японизмом — российского читателя также стали активно знакомить с японской литературой. В этот период осуществляются фрагментарные переводы письменных источников древности, необходимые для общего ознакомления с литературным наследием Японии. Поначалу внимание переводчиков было заслуженно обращено на *Кодзики* («Записи о деяниях древности», 712 г.), *Исэ моногатари* («Повесть об Исэ», X в.), *Такэтори моногатари* (первоначальный вариант перевода — «Сказание о резчике бамбука», поздний вариант перевода — «Повесть о старике Такэтори», X в.), «Дневник путешествия из Тоса» (X в.). Поэзия занимает особое место в переводческо-издательской сфере — один за другим выходят сборники стихотворений и посвященные им эссе [Мещеряков 2018].

В середине 1930-х гг. в советском японоведении более четко наметилась специализация. Из страноведения выделились экономическая география (работы К. М. Попова и др.) и история. Книга Е. М. Жукова по истории Японии с древнейших времён по новейшее время стала вехой в марксистском изучении истории Японии. Филология разделилась на самостоятельные дисциплины — исследования языка и литературы. Были созданы теоретические труды по грамматике

(Н. И. Конрад, Е. М. Колпакчи, Е. Д. Поливанов, А. А. Холодович). Японоведы приступили к изучению истории японской литературы, к переводам классических произведений, а также произведений современных писателей, особенно пролетарской литературы 1930-х гг. (Н. И. Конрад, А. Е. Глускина, Н. А. Невский, Н. И. Фельдман). К 1940-м гг. в японоведении в основном уже сформировалась советская марксистская школа [Лещенко (сост.) 1998].

Впервые чуть более подробно памятник жанра *сэцува Кондзяку моногатари-сю*: освещается во вступительной статье отечественного япониста-филолога, переводчика Е. М. Пинус (1914–1984) к разделу японской литературы в сборнике переводов классической литературы Дальнего Востока [Пинус 1975, с. 508]. В этом же издании были опубликованы рассказы из «Стародавних повестей» в переводе япониста, переводчика Виктора Соломоновича Сановича (1939–2020) [Стародавние повести 1975, с. 649–657].

В 1978 г. в сборнике статей Николая Иосифовича Конрада (1891–1970) «Избранные труды. Литература и театр» встречается упоминание о *Кондзяку моногатари-сю*; *Удзи сю:и моногатари* и *Кокон тё:мондзю*; однако эти упоминания носят сугубо фрагментарный характер в контексте развития хэйанской литературы и появления простонародных сюжетов. В этом же сборнике в главе «Кодан и ракуго в эпоху Эдо» к рассказам *сэцува* автор обращается лишь в контексте изучения корней театрального жанра *ракуго*, чуть подробнее останавливаясь на структуре *Удзи сю:и моногатари* [Конрад 1978, с. 134; 228].

Примечательно, что в своей ранней монографии «Японская литература в образцах и очерках», изданной еще в 1927 г., Н. И. Конрад тщательно рассматривает этимологию литературоведческого термина *моногатари*, однако в книге не упоминаются такие *моногатари*, как *Кондзяку моногатари-сю*: и *Удзи сю:и моногатари*.

Причиной тому является тот факт, что в японском литературоведении начала XX в. жанр *сэцува* только-только стал рассматриваться как художественная литература. Решающую роль в судьбе сборников *сэцува*, а также и в определении самого жанра, сыграл Хага Яити (1867–1927) — организатор «новой» японской науки, особенно высоко ценивший *Кондзяку* как сокровищницу сведений о японской старине, в которой без прикрас отражена жизнь общества хэйанской эпохи. Хага Яити впервые ввел в научный оборот как сам термин *сэцува*

относительно корпуса текстов жанра короткого рассказа, так и *Кондзяку моногатари-сю*: как источник по изучению истории Японии и истории японской литературы [Трубникова, Бабкова 2018, с. 168]. Таким образом, признание в самой Японии в качестве литературного жанра под термином *сэцува* сборники коротких дидактических рассказов приобрели лишь в первой половине XX в.

В советском японоведении основной акцент делался на тех произведениях японской литературы, которые, несомненно, были признаны за классические образцы и по своему идейному содержанию не вызывали вопросов. Учитывая идеи марксизма-ленинизма, на которые было необходимо оглядываться и опираться в своих трудах ученым любых специализаций, можно себе представить, какую опасность для советских востоковедов 1920–1930-х гг. представляли намерения изучать литературу зарубежной страны, граничащую и со сказочным фольклором, и мистикой, и с буддийскими идеями.

В качестве яркого примера можно привести ситуацию вокруг известного русского советского филолога-китаиста Василия Михайловича Алексеева (1881–1951), который занимался переводами китайской классической литературы. Алексеев переводил китайского писателя Пу Сунлина (1640–1715), гениального продолжателя традиции старинных фантастических историй *сяошо*, в новеллах которого основными темами выступают магия, колдовство, духи и призраки. Глубоко погружившись в перевод, и даже отождествляя себя с писателем, Алексеев стал объектом осуждения своих коллег.

В статье отечественного китаиста А. И. Кобзева ярко проиллюстрирована реакция советских ученых-востоковедов новой формации в отношении изучения мистицизма и народного фольклора в классических произведениях: «Учёный секретарь ИВ АН СССР Х. И. Муратов (1905–1942?)» отрецензировал изданную в 1937 г. в Париже книгу В. М. Алексеева «Китайская литература» как «мракобесную, политически вредную, лженаучную, основанную на патологических изысканиях», а японист из окружения Н. И. Конрада — Я. Б. Радуль-Затуловский (1903–1987) — как «крайне вредную реакционную мракобесную расистскую галиматью... смыкающуюся с фашистскими тенденциями в синологии в некоторых западноевропейских странах и особенно в Японии»» [Кобзев 2013, с. 265]. «[...] в условиях победившего социализма главное зло усматривалось в мистике. Х. И. Муратов заклинал: «От Алексеева мы не требуем марксизма, но требуем, чтобы у него

не было мистики!”, — Я. Б. Радуль-Затуловский подпевал: “Нам не нужна мистика. Мы мистику изучаем только для того, чтобы видеть лицо врага”» [Кобзев 2013, с. 267].

Пример из жизни Алексеева и многих других востоковедов, попавших в жернова нового политического строя, поможет понять всю серьезность ситуации в отношении выбора японских *сэцува* для перевода и исследования. Сейчас сложно а, скорее всего, невозможно узнать, выполнялись ли экспериментальные переводы *сэцува* в среде советских японоведов-переводчиков или же строго соблюдались принципы отбора переводимого материала согласно идеологическим установкам того времени.

Официальная история переводов прозы *сэцува* начнется лишь в 1973 [Стародавние повести 1973, с. 517–540] и в 1975 г., когда в сборнике «Классическая проза Дальнего Востока» среди художественной классики Китая, Кореи и Японии, будут опубликованы переводы избранных рассказов двух памятников японской прозы *сэцува* *Кондзяку моногатари-сю:* и *Удзи сю:и моногатари* двух московских японоведов — В. С. Сановича и Т. И. Редько [Стародавние повести 1975, с. 649–657; Дополнения к рассказам из *Удзи* 1975, с. 657–659].

Безусловно, 1960–70-е гг. разительно отличались от времени становления идеологии и порядков молодой советской страны — появилось больше возможностей обращаться к новым произведениям и изучать их под иным углом. При этом переводческая деятельность по-прежнему оставалась наиболее привлекательной для многих востоковедов, как и запрещенных к печати поэтов. Как пишет А. Н. Мещеряков: «Занятие художественным переводом считалось делом «чистым» — оно позволяло не лгать. Если текст лгал, то это лгал автор, а не переводчик. Это был род эскапизма, усиливаемый тем, что многие выдающиеся поэты и переводчики старались переводить не современных авторов, а произведения тех эпох, которые не знали ни капитализма, ни социализма. Словосочетание «средневековая литература» обладало особо привлекательным ароматом и отдавало умеренным диссидентством. Люди, которые занимались средневековьем, напоминали монахов, сокрывшихся от скверны мира. Безусловно, власти ощущали чужеродность японской классики в советском контексте, а потому введение в информационный оборот позволялось лишь дозированно» [Мещеряков 2018, с. 125].

Большая заслуга в деле издания классической и современной японской прозы принадлежит Восточной редакции издательства «Художественная литература». Произведения на темы религии старательно подавались как восточная экзотика, нечто среднее между мифологией и сказочной прозой. Думается, именно по этой причине число публикуемых переводов рассказов *сэцува* поначалу было столь малочисленно. Одним из первых за переводы *сэцува* взялся В. С. Санович. Возможно, этому способствовала уникальная атмосфера, царившая в Восточной редакции, во главе которой стояла японист Тамара Прокофьевна Редько. Еще в самом конце 1950-х гг. в коллективе, наряду с переводчиком японской литературы Аркадием Стругацким, состоял еще студентом-третьекурсником и Виктор Санович — в будущем переводчик памятника прозы *сэцува* «Стародавние повести» (этот русскоязычный перевод с тех пор навсегда закрепится за *Кондзяку моногатари-сю*.) [Скаландис, 2008].

Виктор Соломонович Санович начал работу над переводом *Кондзяку моногатари-сю*: в 1960-х гг., еще в студенчестве. Выбор рассказов тогда еще был спонтанным, свои первые переводы он читал вслух Вере Николаевне Марковой (1907–1995), которую считал гением и лучшим переводчиком классической японской литературы, а также основателю советской японоведения Николаю Иосифовичу Конраду. Дипломную работу, посвященную этому памятнику *сэцува*, В. С. Санович писал под руководством япониста, переводчика Ирины Львовны Иоффе (1915–1989), по мнению которой молодой переводчик слишком рано взялся за такое сложное произведение, как *Кондзяку*. Сам Санович осознал всю сложность работы над *Кондзяку* позже — это и сложность языка сборника, и необходимость длительной сосредоточенной работы над переводом, что в молодости переводчика представлялось затруднительным. Отдельные переводы рассказов этого сборника увидели свет в 1973 [Стародавние повести 1973, с. 517–540], 1975 [Стародавние повести 1975, с. 649–657], 1988 [Стародавние повести 1988, с. 123–150], 2005 [Стародавние повести 2005, с. 324–346] годах.

Нам известно, что работа над переводом *Кондзяку* велась вплоть до скоропостижной смерти Виктора Соломоновича в августе 2020 г. В. С. Санович всегда скрупулезно подходил к подбору каждого слова, фразы, тщательно подбирал способы передачи прямой речи, много раз вслух проговаривая варианты перевода. В планах переводчика было

издание избранных рассказов, которые должны были располагаться в хронологическом порядке от самого первого свитка до последнего. В. С. Санович выражал надежду по мере сил продолжить работу над переводом остальных томов и издать полный перевод трех томов *Кондзяку моногатари-сю.*; считая это великое дело смыслом всей жизни: «Сейчас я готовлю к изданию небольшую подборку из “Стародавних повестей” и решил начать с этого перевода. Вообще в новом томе рассказы пойдут по порядку, от первого свитка к тридцать первому. Первый рассказ — начало земной жизни Будды, а последний — про дерево, которое давало огромную тень, им заканчивается дошедший до нас текст “Кондзяку моногатари”. Дальше буду готовить другие тома, постепенно увеличивая объём. И если буду здоров, сделаю “Кондзяку” полностью» [Санович, Трубникова, Коляда 2018, с. 111–123].

Примечательно, что впервые переводом *Удзи сю:и моногатари* занялась японист, переводчик японской художественной литературы Татьяна Ильинична Редько-Добровольская, которая подготовила перевод трех рассказов еще для издания 1975 г. «Классическая проза Дальнего Востока» [Дополнения к рассказам из Удзи 1975, с. 657–659]. Правда, в сборнике это произведение представлено как «Дополнения к рассказам из Удзи», и в этом варианте перевода названия как нельзя лучше отражается суть довольно многозначного японского слова *сю:и* (подбирать, собирать, дополнять, воссоздавать утраченное). Позднее, в 2005 г. в антологию японской классической литературы VIII–XIX вв. «Тысяча журавлей» вошло 12 рассказов в ее переводе, название произведения уже было изменено на «Рассказы, собранные в Удзи» [Рассказы, собранные в Удзи 2005, с. 516–541].

История научного исследования памятников жанра *сэцува* в советском японоведении берет свое начало лишь с 1978 г., когда в Ленинграде аспирант Института востоковедения Ленинградского филиала РАН Георгий Георгиевич Свиридов (1948–1997) подготовил диссертацию «Некоторые вопросы поэтики японской средневековой прозы сэцува». Исследование базировалось на двух крупнейших памятниках жанра *сэцува* — *Кондзяку моногатари-сю:* и *Удзи сю:и моногатари.* В 1981 г. была опубликована монография Г. Г. Свиридова «Японская средневековая проза сэцува. (Структура и образ)». Круг исследуемых вопросов включал систему организации материала в *сэцува*, структуру рассказа, поэтику, сюжет и композицию, построение образа, процесс обмирщения жанра. Особый интерес Свиридова еще со студенчества

вызывал памятник *сэцува Удзи сю:и моногатари*. В своем исследовании он проводит параллель не только с более крупным предшественником *Кондзяку моногатари-сю*, но и показывает большую начитанность и эрудицию, сравнивая *Удзи сю:и* с прочими сборниками *сэцува* эпохи Хэйан и Камакура. Своей монографией Свиридов произвел прорыв в научном изучении жанра *сэцува*, проложив дорогу другим переводчикам и исследователям этого жанра.

К сожалению при его жизни перевод избранных историй памятника не был опубликован в виде отдельной книги или сборника. Однако уже в 2003 г. 41 рассказ из *Удзи сю:и моногатари* в переводе Г. Г. Свиридова публикуется в сборнике переводов японской классической литературы «Японская новелла», вышедшем в серии «Золотая серия японской литературы» (Санкт-Петербург) [Удзи сюи моногатари 2003, с. 34–87]. Десять рассказов в переводе Г. Г. Свиридова вошли в сборник отечественного историка-япониста и переводчика *сэцува* А. Н. Мещерякова «Книга японских символов». Книга состоит из оригинальных авторских зарисовок и статей на разные темы, которые удачно дополнены переводами рассказов японской классической литературы.

Преждевременная кончина Г. Г. Свиридова не позволила ему самому завершить работу над редактированием чернового варианта перевода, который долгое время он не решался показать широкой аудитории. Большая заслуга в деле научного редактирования и издания перевода *Удзи сю:и моногатари* после смерти Г. Г. Свиридова принадлежит его коллеге, известному японисту Александру Николаевичу Мещерякову. Летом 2019 г. вышел в свет полный художественный перевод «Рассказов, собранных в Удзи» в переводе Г. Г. Свиридова и под научным редакторством А. Н. Мещерякова. Многолетний труд этих двух выдающихся японистов, переводчиков прозы *сэцува* был высоко оценен в кругах российских японоведов и любителей японской литературы [Рассказы, собранные в Удзи 2019].

Тут будет логичным перейти к российскому японисту и переводчику Александру Николаевичу Мещерякову, который упомянут нами выше. В 1984 г. он опубликовал сборник «Японские легенды о чудесах. IX–XI вв.» [Японские легенды о чудесах. (IX–XI вв.) 1984], куда вошли переводы избранных рассказов ранних сборников *сэцува Нихон рё:ики* («Записи о стране Японии и о чудесах дивных воздаяния прижизненного за добрые и злые дела», VIII–IX вв.),

Нихон о:дзё: гокуракуки («Японские записки о возрождении в краю Высшей Радости», X в.) и *Хокэ кэнки* («Записи о чудесах «Сутры лотоса», сотворенных ею в великой стране Японии, XI в.). Этот сборник стал первым самостоятельным, комментированным изданием трех ранних памятников жанра *сэцува*: рассказы были отобраны самим переводчиком и располагались в данном издании согласно рубрикации также придуманной переводчиком. Например, «Подвижники и чудесники», «След прошлого», «Исполненные молитвы», «Неотвратимое возмездие», «Чудесные статуи и сутры», «Праведный суд», «Край Вечной радости» и т. п. Издание в 1984 г. избранных рассказов на тему буддизма из памятников ранних *сэцува* тиражом в 70000 экземпляров в редакции восточной литературы авторитетного издательства «Наука» говорит само за себя — о давней необходимости подобных переводов и исследований в целом.

В 1995 г. А. Н. Мещеряков подготовил к изданию полный перевод *Нихон рё:ики* [Нихон рё:ики 1995], три свитка, 116 рассказов. Издание снабжено предисловием переводчика, комментариями и примечаниями к каждому свитку. Перевод выдержан в академическом стиле, рассказы в свитках идут согласно сквозной нумерации, а не по темам, как это было в издании 1984 г. Предисловие транслирует погруженность автора в тему раннего японского буддизма и письменных памятников буддийского содержания. Лакуну в связи с такими темами, как буддийские тексты и их циркуляция в японском раннесредневековом обществе, отношения между монахами и мирянами и значение буддийской веры вообще еще к концу 1980-х — началу 1990-х гг. заполнили ранние монографии А. Н. Мещерякова: «Древняя Япония: буддизм и синтоизм. Проблема синкретизма» [Мещеряков 1987]; «Герои, творцы и хранители японской старины» [Мещеряков 1988]; «Древняя Япония: культура и текст» [Мещеряков 1991]. В основу последней монографии легла его докторская диссертация «Древняя Япония: культура и текст», защита которой состоялась в 1991 г. Диссертация опиралась на порядка 60 письменных источников древней и раннесредневековой Японии (*Кодзики*, *Нихон сёки*, *Манъё:сю*, *Синсэн сё:дзироку*, *Когосю:и*, *Нихон рё:ики*, *Хокэ кэнки*, *Нихон о:дзё: гокуракуки*, *Энгисики*, *Кокинвакасю:*, *Ямато-моногатари*, *Исэ моногатари*, дневниковая литература и пр.).

Переводы и исследования литературы *сэцува* после распада СССР

Начиная с момента издания монографии Александра Мещерякова «Древняя Япония: культура и текст» в российском японоведении наблюдается активность в сфере научных комментированных переводов исторических текстов древней и средневековой Японии, личных дневников хэйанских чиновников-аристократов, женской дневниковой прозы. Не остаются без внимания и сборники *сэцува*, живо иллюстрирующие те или иные события из жизни аристократов и столичного общества. Автором данной статьи исследуется сборник *сэцува* XIII в. *Удзи сю:и моногатари* в контексте культурной антропологии эпохи Хэйан. В 2016 г. состоялась защита кандидатской диссертации Дианы Кикнадзе «“Удзи сю:и моногатари” как источник по духовной культуре Японии эпохи Хэйан (794–1185)» [Кикнадзе 2016]. В диссертации основное внимание уделяется формам народного восприятия буддизма, значению бодхисаттв Каннон и Дзидзо в представлениях японцев в раннем средневековье, а также статуй этих божеств. На примерах поведения монахов и мирян выявляется общая тенденция буддизма под влиянием эсхатологической идеи Конца Закона *матто:*. Отдельная глава касается значения магико-мантической практики *оммё:до:* и личности гадателя и мага *оммё:дзи* Абэ-но Сэймэй. Д. Кикнадзе продолжает работу над исследованием и переводом рассказов этого памятника, привлекая и его предшественника — *Кондзяку моногатари-сю:*. В целом, в сфере ее интересов лежат живые истории *сэцува*, повествующие без прикрас о грубой повседневности хэйанской эпохи [Кикнадзе 2013, с. 48–58; Кикнадзе 2015а, с. 241–259].

Большой вклад в развитие изучения и переводов литературы *сэцува* внесла московский японист, доктор философских наук, буддолог Надежда Николаевна Трубникова: в 2017 г. вышел в свет полный комментированный перевод сборника *сэцува* «Собрание песка и камней» (*Сясэкисю:*, XIII в.) дзэн-буддийского монаха Мудзю Итиэн [Собрание песка и камней... 2017]. Издание представляет собой два тома: перевод с комментариями и доскональное и всестороннее исследование этого произведения. Научное исследование текста сборника нашло выражение в нескольких статьях, работа над которыми велась Н. Н. Трубниковой с 2013 г.: «Мудзю Итиэн и его время» [Трубникова 2013а, с. 121–131], «Ватараи Иэюки и Китабатакэ Тикафуса

о началах “пути богов”» [Трубникова 2013b, с. 135–154], «Наследие индийской и китайской мысли в “Собрании песка и камней”» [Трубникова 2013с, с. 89–110], «Наследие индийской и китайской мысли в “Собрании песка и камней”: многообразие учений и выбор жизненного пути» [Трубникова 2014а, с. 123–133], «Монахи-проповедники в Японии XIII века (по “Собранию песка и камней”» [Трубникова 2014b, с. 97–122], «Нравы буддийской общины в Японии XIII века (по “Собранию песка и камней”» [Трубникова 2014с, с. 67–75].

Впервые это произведение упоминается Г. Г. Свиридовым в монографии «Японская средневековая проза сэцува. (Структура и образ)» [Свиридов 1981, с. 46–48]. Автор дал не только историю создания сборника, но и краткое описание идейного содержания каждого свитка. Как пишет Н. Н. Трубникова, до момента выхода в свет ее перевода *Сясэкисю*: крупным петербургским японистом, переводчиком японской классической прозы В. Н. Гореглядом (1932–2002) в труде «Японская литература VIII–XVI вв.» были опубликованы отрывки из двух рассказов этого сборника [Горегляд 2001, с. 269–270]. В это обзорное исследование японской литературы включены разделы о буддийских сборниках и поздних сборниках *сэцува* [Горегляд 2001, с. 97–102; с. 262–271].

В послесловии к своей монографии «Японская средневековая проза сэцува», изданной в 1981 г., Г. Г. Свиридов писал: «Настоящая книга — первый шаг на пути освоения богатейшего наследия прозы сэцува. Многие проблемы здесь только намечены [...]. Каковы дальнейшие задачи? На очереди всестороннее изучение взаимосвязей прозы сэцува с другими литературными жанрами — в области литературной формы, приёмов поэтики, вопросов сюжетосложения. Необходимо также приступить к рассмотрению вопросов эстетического, философского, социологического содержания памятников сэцува. [...] Комплексное решение этих проблем — очередная задача изучения японской средневековой прозы сэцува» [Свиридов 1981, с. 227–228].

Заключение

Сегодня с уверенностью можно сказать, что интерес российских японоведов к литературе жанра *сэцува* только растёт. В наши дни перевод *сэцува* часто сопровождается обширным историко-культу-

рологическим комментарием. Рассказы *сэцува* перестали преподно- ситься читателю только как развлекательное чтение о страшном или забавном: в наши дни переводчик не только переводит, но и исследует полученный материал, а *сэцува* становятся бесценным источником по повседневности японского средневекового общества.

Можно смело утверждать, что в российском японоведении уда- лось изменить точку зрения на *сэцува* благодаря трудам и переводам Г. Г. Свиридова и А. Н. Мещерякова. К большому сожалению, в связи с кончиной Виктора Соломоновича Сановича работа над подготовкой к публикации полного перевода «Стародавних повестей» остано- вилась. Однако усилиями Н. Н. Трубниковой и её учеников — японистов М. С. Коляды и М. В. Бабковой — продолжается перевод и научное исследование этого крупнейшего памятника *сэцува*: регулярно пуб- ликуются статьи и переводы на самые разные темы, поднимаемые в сборнике [Трубникова, Бабкова 2018, с. 162–202].

Спустя долгие годы определенную завершенность получило изу- чение сборника *сэцува Удзи сю:и моногатари*: в 2019 г. под редакцией А. Н. Мещерякова был опубликован полный художественный перевод Г. Г. Свиридова. Ранее, в 1981 г. вышла монография Г. Г. Свиридова «Японская средневековая проза сэцува. Структура и образ», в 2016 г. состоялась защита кандидатской диссертации Д. Кикнадзе, в кото- рой этот сборник рассматривается в качестве источника по духовной культуре японского общества хэйанской эпохи, включая запрещенную к изучению в советский период магико-мантическую систему ритуалов *оммё:до:.* И, тем не менее, нельзя утверждать, что изучение этого произведения завершено — существует нехватка научного комменти- рованного перевода сборника, всестороннего историко-антропологи- ческого исследования, как и более обширного сравнительного анали- за генетических корней японских *сэцува*. *Кондзюку моногатари-сю:* и *Удзи сю:и моногатари* по-прежнему обращают на себя пристальное внимание исследователей японской истории и религий и любителей японской старины.

Тщательные переводы и исследования произведений *сэцува* Н. Н. Трубниковой, опубликовавшей *Сясэкисю:*, задают другим япо- нистам-переводчикам и историкам японской классики такие ориен- тирь, как высокое качество перевода (в первую очередь научного, а не художественного перевода) и непременно проведение глубокого исследования блоков рассказов, объединенных единой темой.

В наши дни работа над изучением прозы *сэцува* ведется активнее, чем когда-либо, а истории *сэцува* стали рассматриваться как немало-важный источник по изучению религиозной атмосферы и культуры повседневности описываемых периодов истории средневековой Японии. Стало очевидно, что наряду с уточнением и редактированием ранее опубликованных рассказов *сэцува* и переводом новых сборников этого жанра, необходимо параллельно работать и над научным, комментированным переводом с обширным исследованием непопулярных ранее тем.

Сегодня трудно представить заметно возросший интерес к жанру *сэцува* в профессиональной среде отечественных японистов, как и популярность этого жанра среди любителей японской классики, без огромного вклада старшего поколения японистов-переводчиков, работавших над переводом *сэцува* в сложной идеологической обстановке советского времени.

Библиографический список

Акутагава Р. (1985) Новеллы. Эссе. Миниатюры / пер. с яп., вступ. статья А. Стругацкого. Москва: Художественная литература.

Горегляд В. Н. (2001) Японская литература VIII–XVI вв. Санкт-Петербург: Петербургское востоковедение.

Дополнения к рассказам из Удзи (1975) / пер. Т. Редько. *Классическая проза Дальнего Востока* Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Том 18. Москва: Художественная литература. С. 657–659.

Кикнадзе Д. Г. (2013) Магико-мантическая практика Оммёдо в средневековой Японии (по материалам сборника «Удзи сюи моногатари», XIII в.). *Религиоведение*. Амурский государственный университет. № 4. С. 48–58.

Кикнадзе Д. Г. (2015a) Вотивные предметы простонародного японского буддизма эпохи Хэйан. (По материалам сборника прозы сэцува «Удзи сюи моногатари», XIII в.). *Страны и народы Востока*. Вып. XXXVI: Религии на Востоке. Под ред. И. Ф. Поповой, Т. Д. Скрынниковой. Институт восточных рукописей РАН; Вост. Комиссия РГО. Москва: Наука — Восточная литература. С. 241–259.

Кикнадзе Д. Г. (2015b) Новый взгляд на сборник жанра сэцува «Удзи сюи моногатари» как на важный источник по духовной культуре Японии эпохи Хэйан (794–1185). *Вестник Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова*. Том 21. 2015. С. 59–63.

Кикнадзе Д. Г. (2016) «Удзи сюи моногатари» как источник по духовной культуре Японии эпохи Хэйан (794–1185). *Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата исторических наук*. Институт восточных рукописей РАН, Санкт-Петербург.

Кобзев А. И. (2013) *Игрища бесовские в АН СССР. Общество и государство в Китае*: Т. XLIII, ч. 2. Москва. С. 263–270.

Конрад Н. И. (1978) *Избранные труды. Литература и театр*. Москва: Наука.

Лещенко Н. Ф. (сост.) (1998) *Российские востоковеды*. Москва: Муравей.

Мещеряков А. Н. (1987) *Древняя Япония: буддизм и синтоизм. Проблема синкретизма*. Москва: Наука.

Мещеряков А. Н. (1988) *Герои, творцы и хранители японской старины*. Москва: Наука.

Мещеряков А. Н. (1991) *Древняя Япония: культура и текст*. Москва: Наука.

Мещеряков А. Н. (2018) Восприятие хэйанской литературы в СССР и России. *Шаги*. 4 (1). С. 116–133.

Нихон рёки. Японские легенды о чудесах. (1995) Свитки 1-й, 2-й и 3-й. / пер. со старояп., предисловие и комментарии А. Н. Мещерякова. Санкт-Петербург: Гиперион.

Пинус Е. (1975) *Классическая проза Японии. Классическая проза Дальнего Востока*. Библиотека всемирной литературы. Серия первая. Том 18. Москва: Художественная литература. С. 503–518.

Рассказы, собранные в Удзи (Удзи сюи моногатари). (2019) / пер. с яп. и коммент. Г. Г. Свиридова. Санкт-Петербург: Гиперион.

Рассказы, собранные в Удзи. Тысяча журавлей. Антология японской классической литературы VIII–XIX вв. (2005) / пер. Т. Редько-Добровольской. Санкт-Петербург: Азбука-классика.

Санович В. С., Трубникова Н. А., Коляда М. С. (2018) «Я — переводчик». Интервью с В. С. Сановичем о переводе «Стародавних повестей» и многом другом. *Японские исследования*. № 4. С. 111–123.

Свиридов Г. Г. (1981) *Японская средневековая проза эцува. Структура и образ*. Москва: Наука.

Скаландис А. (2008). *Братья Стругацкие*. Москва: Аст. <https://biography.wikireading.ru/143339>

«Собрание песка и камней» в истории японской философской мысли. (2017) Том 1. *Собрание песка и камней*. Том 2. Исследование. Указатели.

Приложение / исследование, перевод и комментарий Н. Н. Трубниковой. Москва, Санкт-Петербург: Гиперион.

Стародавние повести (1973) / предисловие, перевод и комментарий В. С. Сановича. *Сердце зари. Восточный альманах*. Вып. 1. Москва: Художественная литература. С. 517–540.

Стародавние повести (1975) / предисловие, перевод и комментарий В. С. Сановича. *Библиотека всемирной литературы*. Серия первая. Том 18. *Классическая проза Дальнего Востока*. Москва: Художественная литература. С. 649–657.

Стародавние повести (1988) / предисловие, перевод и комментарий В. С. Сановича. *Луна в тумане*. Москва: Правда. С. 123–150.

Стародавние повести (2005) / предисловие, перевод и комментарий В. С. Сановича. *Тысяча журавлей. Антология классической японской литературы VIII–XIX вв.* Санкт-Петербург: Азбука-классика. С. 324–346.

Трубникова Н. Н. (2013а). Мудзю Итиэн и его время. *Вопросы философии*. № 4. С. 121–131.

Трубникова Н. Н. (2013b). Ватараи Иэюки и Китабатакэ Тикафуса о началах «пути богов». *Восток-Orient*. № 4. С. 135–154.

Трубникова Н. Н. (2013c). Наследие индийской и китайской мысли в «Собрании песка и камней». *Вопросы философии*. № 12. С. 89–110.

Трубникова Н. Н. (2014а). Наследие китайской и японской мысли в «Собрании песка и камней»: многообразие учений и выбор жизненного пути. *Вопросы философии*. № 4. С. 123–133.

Трубникова Н. Н. (2014b). Монахи-проповедники в Японии XIII века (по «Собранию песка и камней»). *Человек*. № 4. С. 97–122.

Трубникова Н. Н. (2014c). Нравы буддийской общины в Японии XIII века (по «Собранию песка и камней»). *Религиоведение*. № 2. С. 67–75.

Трубникова Н. Н., Бабкова М. В. (2018) «Собрание стародавних повестей» в оценках исследователей: основные вопросы и трудности. *Ежегодник Японии*. Т. 47. С. 163–203.

Удзи сюи моногатари. Японская новелла. (2003) Серия «Золотая серия японской литературы» / пер. Г. Г. Свиридова. Санкт-Петербург: Северо-Запад Пресс.

Японские легенды о чудесах (IX–XI вв.) (1984) / пер. с яп. А. Н. Мещерякова. Москва: Наука.

References

Akutagawa, R. (1985). *Novelly. Esse. Miniatyury* [Novels. Essays. Miniatures]. Translation from Japanese, introductory article by A. Strugatsky. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).

Goreglyad, V. N. (2001). *Yaponskaya literatura VIII–XVI vv.* [Japanese Literature of the 8th–16th Centuries]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie. (In Russian).

Dopolneniya k rasskazam iz Udzi [Additions to Tales from Uji]. (1975). In *Klassicheskaya proza Dal'nego Vostoka*, vol. 18 (pp. 657–659). Trans. by T. Red'ko. Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).

Kiknadze, D. (2013). Magiko-manticheskaya praktika Ommedo v srednevekovoi Yaponii (po materialam sbornika «Udзи syui monogatari», XIII v.) [The Magical and Mantic Practice of Onmyōdō in Medieval Japan (According to the Materials of the Collection *Uji Shūi Monogatari*, 13th century)]. *Religiovedenie*, 4, 48–58. Amurskii gosudarstvennii universitet. (In Russian).

Kiknadze D. (2015a). Votivnye predmetry prostonarodnogo yaponskogo buddizma epokhi Kheian. (Po materialam sbornika prozy setsuva «Udзи syui monogatari», XIII v.) [Votive Objects of Folk Japanese Buddhism of the Heian Era. (According to the Materials of the *Setsuwa* Collection *Uji Shūi Monogatari*, 13th century)]. In I. F. Popova, T. D. Skrynnikova (Eds.), *Strany i narody Vostoka*. Is. XXXVI: Religii na Vostoke (pp. 241–259). Moscow: In-t vostochnykh rukopisei RAN; Vost. Komissiya RGO. (In Russian).

Kiknadze, D. (2015b). Novyi vzglyad na sbornik zhanra setsuva «Udзи syui monogatari» kak na vazhnyi istochnik po dukhovnoi kul'ture Yaponii epokhi Kheian (794–1185) [New View of the Collection of *Setsuwa* Tales *Uji Shūi Monogatari* as an Important Source of Spiritual Culture of Japan's Heian Period (794–1185)]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta imeni N. A. Nekrasova*, 21, 59–63. (In Russian).

Kiknadze, D. (2016). «Udзи syui monogatari» kak istochnik po dukhovnoi kul'ture Yaponii epokhi Kheian (794–1185) [*Uji Shūi Monogatari* as a Source on the Spiritual Culture of Japan in the Heian Era (794–1185)]. Candidate of Historical Sciences dissertation abstract. St. Petersburg, Institut vostochnykh rukopisei RAN. (In Russian).

Kobzev, A. (2013). Igrishcha besovskie v AN SSSR [Demon Dames in the USSR Academy of Sciences]. In *Obshchestvo i gosudarstvo v Kitae*: Vol. XLIII, Part 2 (pp. 263–270). Moscow. (In Russian).

Konrad, N. (1978). *Izbrannyye trudy. Literatura i teatr* [Selected Works. Literature and Theatre]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Leshchenko, N. F. (ed.). (1998). *Rossiyskie vostokovedy* [Memory Pages: Collection]. Moscow: Muravei. (In Russian).

Meshcheryakov, A. (1987). *Drevn'aya Yaponiya: buddizm i sintoizm. Problema sinkretizma* [Ancient Japan: Buddhism and Shintoism. The Problem of Syncretism]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Meshcheryakov, A. (1988). *Geroi, tvortsy i khraniteli yaponskoi stariny* [Heroes, Creators, and Keepers of Japanese Antiquity]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Meshcheryakov, A. (1991). *Drevnyaya Yaponiya: kul'tura i tekst* [Ancient Japan: Culture and Text]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Meshcheryakov, A. (2018). *Vospriyatie kheianskoi literatury v SSSR i Rossii* [Perception of Heian Era Japanese Literature in the USSR and Russia]. *Shagi / Steps*, 4 (1), 116–133. (In Russian).

Nihon ryoiki (1995). *Yaponskie legendy o chudesakh. Svitki 1, 2 i 3*. [Nihon Ryoiki. Japanese Legends on Miracles. Scrolls 1, 2, and 3]. Transl. from Old Japanese, foreword, and commentary by A. N. Meshcheryakov. St. Petersburg: Giperion. (In Russian).

Pinus, E. (1975). *Klassicheskaya proza v Yaponii* [Classical prose in Japan]. In *Klassicheskaya proza Dal'nego Vostoka. Biblioteka vsemirnoi literatury. Seriya pervaya* [Classical Prose of the Far East. Library of World Literature. Series 1]. Vol 18 (pp. 503–518). Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).

Rasskazy, sobrannye v Udzi. (2005). [A Collection of Tales from Uji]. In T. Red'ko-Dobrovol'skaya (transl.), *Tysyacha zhuravlei. Antologiya yaponskoi klassicheskoi literatury VIII–XIX vv* [Thousand Cranes. Anthology of Japanese Classical Literature, 8th–19th c.]. St. Petersburg: Azbuka-klassika. (In Russian).

Rasskazy sobrannye v Udzi (2019) (*Udzi syui monogatari*) [A Collection of Tales from Uji. (Uji Shūi Monogatari)]. Transl. from Japanese and commentary by G. G. Sviridov, ed. by A. N. Meshcheryakov. St. Petersburg: Giperion. (In Russian).

Sanovich V., Trubnikova N., Kolyada M. (2018). «Ya — perevodchik». Interv'yu s V. S. Sanovichem o perevode «Starodavnikh povestei» i mnogom drugom [“I Am a Translator”. Interview With Viktor Sanovich About the Translation of the *Konjaku Monogatari Shū* and Many Other Things]. *Japanese Studies in Russia*, 4, 111–123. (In Russian).

Sviridov, G. (1981). *Yaponskaya srednevekovaya proza setsuva. Struktura i obraz* [Japanese Medieval Setsuwa Prose. Structure and Image]. Moscow: Nauka. (In Russian).

Skalandis, A. (2008). *Brat'ya Strugatskie* [The Strugatsky Brothers]. Moscow: Ast. Retrieved July 20, 2021, from <https://biography.wikireading.ru/143339> (In Russian).

“*Sobraniye peska i kamnei*” v istorii yaponskoi filosofskoi mysli. *Tom 1. Sobranie peska i kamnei. Tom 2. Issledovanie. Ukazateli. Prilozhenie* (2017). [“Sand and Pebbles” in the History of Japanese Philosophical Thought. Volume 1. “Sand and Pebbles”. Volume 2. Research. Index. Appendix]. Research, translation, and commentary by N. N. Trubnikova. Moscow, St. Petersburg: Giperion. (In Russian).

Starodavnie povesti. (1973). [Tales of Times Now Past]. Foreword, translation, and commentary by V. S. Sanovich. In *Serditse zari. Vostochnyi al'manakh* [Heart of Dawn. Oriental Almanac], 1 (pp. 517–540). Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).

Starodavnie povesti. (1975). [Tales of Times Now Past]. Foreword, translation, and commentary by V. S. Sanovich. In *Biblioteka vsemirnoi literatury. Seriya pervaya. Tom 18. Klassicheskaya proza Dal'nego Vostoka* [Library of World Literature. Series 1. Volume 18. Classical Prose of the Far East] (pp. 649–657). Moscow: Khudozhestvennaya literatura. (In Russian).

Starodavnie povesti. (1988). [Tales of Times Now Past]. Foreword, translation, and commentary by V. S. Sanovich. In *Luna v tumane* [Moon in the Mist] (pp. 123–150). Moscow: Pravda. (In Russian).

Starodavnie povesti. (2005). [Tales of Times Now Past]. Foreword, translation, and commentary by V. S. Sanovich. In *Tsuyacha zhuravlei. Antologiya klassicheskoi yaponskoi literatury VIII–XIX vv.* [Thousand Cranes. Anthology of Japanese Classical Literature, 8th–19th c.] (pp. 324–346). St. Petersburg: Azbuka-klassika. (In Russian).

Trubnikova, N. (2013a). *Mudzyu Itien i ego vremya* [Muju Ichien and His Time]. *Voprosy filosofii*, 4, 121–131. (In Russian).

Trubnikova, N. (2013b). *Vatarai Ieyuki i Kitabatake Tikafusa o nachalakh «puti bogov»* [Watarai Ieyuki and Kitabatake Chikafusa About the Beginnings of the “Path of the Gods”]. *Vostok (Oriens)*, 4, 135–154. (In Russian).

Trubnikova, N. (2013c). *Nasledie indiiskoi i kitaiskoi mysli v «Sobranii peska i kamnei»* [The Legacy of Indian and Chinese Thought in the “Sand and Pebbles”]. *Voprosy filosofii*, 12, 89–110. (In Russian).

Trubnikova, N. (2014a). Nasledie kitayskoi i yaponskoi mysli v «Sobranii peska i kamnei»: mnogoobrazie uchenii i vybor zhiznennogo puti [The Legacy of Chinese and Japanese Thought in the “Sand and Pebbles”: The Diversity of Teachings and the Choice of the Life Path]. *Voprosy filosofii*, 4, 123–133. (In Russian).

Trubnikova, N. (2014b). Monakhi-propovedniki v Yaponii XIII veka (po «Sobraniiu peska i kamnei») [Monks-Preachers in Japan of the 13th Century (Using the “Sand and Pebbles”)]. *Chelovek*, 4, 97–122. (In Russian).

Trubnikova N. (2014c). Nravny buddiiskoi obshchiny v Yaponii XIII veka (po «Sobraniiu peska i kamnei») [The Customs of the Buddhist Community in Japan of the Thirteenth Century (Using the “Sand and Pebbles”)]. *Religiovedenie*, 2, 67–75. (In Russian).

Trubnikova, N., Babkova, M. (2018). “*Sobranie starodavnikh povestei*” v otsenkakh issledovatelei: osnovnye voprosy i trudnosti [Konjaku monogatari-shū in Scholars’ Evaluations: Main Issues and Problems]. *Yearbook Japan*, 47, 163–203. (In Russian).

Udzi syui monogatari (2003). [Uji Shūi Monogatari]. Transl. by G. G. Sviridov. In *Yaponskaya novella. Seriya «Zolotaya seriya yaponskoi literatury»* [Japanese Novellas. Series “Golden Series of Japanese Literature]. St. Petersburg: Severo-Zapad Press. (In Russian).

Yaponskie legendy o chudesakh (IX–XI vv.). (1984). [Japanese Legends about Miracles (9th–11th Centuries)]. Translation from Japanese by A. N. Meshcheryakov. Moscow: Nauka. (In Russian).